

Экзистенциальная парадигма в социологии и новые возможности ее применения

Юлия Беспалова

доктор философских наук, профессор Тюменского государственного университета

В статье осуществляется поиск в новых разделах социологии, рассматриваются возможности применения экзистенциальной парадигмы. Автор предлагает познание повседневности, в том числе с помощью собственного опыта. Это может помочь видению и отражению институтов и процессов, в которые исследователь включен одновременно как соучастник и как наблюдатель. Описываются методы и техники исследования повседневности, рекомендации по ее изучению.

Основное внимание уделено "житийному", документально-

му, мемуарному жанрам, биографиям, судьбам, именам, а также человеческому или "очеловеченному" пространству, месту и времени, песням, которые пелись и поются сегодня в семьях, дневникам, рецептам семейной кухни, семейным альбомам, уютливым семейным высказываниям и выражениям¹.

Ключевые слова: экзистенциальная парадигма, повседневность, человек и его мир, социологическое воображение, "обращение к себе"

Что угрожает социологии в настоящее время? Социология сегодня теряет авторитет и влияние. Власти, бизнес и общество мало интересуются рациональной наукой. Верх берут социальные мифологии и технологии. Внутри социологии также существуют разногласия, опасные для развития науки.

Ряд ученых считает социологию наукой, которая должна ограничиться независимыми исследованиями, диагностикой общества. Другие в эпоху социальных движений за лучшее общество, справедливость, интерпретируют социологию как социальную силу, способную отвечать на запросы общества, осуществлять общественное служение, изменять мир к лучшему.

Социология на протяжении последних десятилетий прошла несколько стадий развития. Каждая стадия характеризовалась последовательной сменой научных парадигм и школ. В конце прошлого века социология испытала всплеск интереса к игнорировавшимся прежде ресурсам социологического знания, сюда относится формирование новых направлений для изучения, например, культуральная и визуальная социологии, а также поворот к качественным исследованиям.

Процессы, происходящие в социологии, можно охарактеризовать, как устойчивую тенденцию обращения к человеку и его миру. Объектом внимания ученых становится анализ жизни людей, изучение социального мира глазами человека.

В социологии активно развивается экзистенциальная парадигма, которая ранее считалась достоянием философии. Так, социолог Петр Штомпка заявил в своих работах о парадигмальном сдвиге по направлению к социологии социальной экзистенции (социального существования). По утверждению П.Штомпки, первой социологией была наука, изучающая социальные целостности (организмы, системы), второй социологией — наука, изучающая социальные "атомы" (действия, смыслы и тексты). Переход к новой, "третьей" социологии был более всего связан со сменой характеристик социальной жизни, которые уже нельзя описать с помощью прежних подходов. Требуется научное изучение мотиваций, суждений, которые стоят за социальными действиями, социальных акторов, путей, которыми создаются и конструируются социальные структуры, а также незаметных, невидимых смыслов, правил, ценностей, норм, представлений и привычек, регулирующих поведение людей [1].

Социология сегодня развивается в тесном сотрудничестве с такими гуманитарными дисциплинами, как философия, антропология, культурология, психология, история, литературоведение, языковедение. Социология использует и адаптирует к своей науке исследовательские методы и данные этих наук. В

настоящее время преподавание социологической теории становится активно ориентированным на междисциплинарные взаимодействия и связи, а не на разделение исследовательских научных подходов.

Социология использует социологическое воображение (Ч. Миллс) как элемент мышления, способность рассматривать общество под определенным углом зрения, понимать скрытые за поверхностью явлений смыслы, влияющие на социальную жизнь, обнаружение необычного в обычных вещах. Социологическое воображение заставляет исследователя проникать во внутренние миры людей, воспринимать жизнь общества и человека в динамике, в процессе развития, видеть огромное разнообразие вариантов форм проявления и взаимодействия социальной и человеческой жизни.

Социология сегодня объединяет одновременно взаимодополняющие и противоположные реальности. Она уделяет внимание объективному и субъективному, рациональному и иррациональному, общечеловеческому и локальному. Это ведет к возникновению новых путей изучения социума, новых понятий, концепций и методов исследования. Так, культуральная социология Д. Александера придает особое значение не реальным событиям, а придаваемым им смыслам (не в том дело, какова объективная история, а в том, как мы ее видим).

Социология, заявившая огромную важность изучения человека, безусловно, является гуманистической наукой. Она может и должна отвечать на насущные запросы человека и общества, находить и предлагать им смыслы действий.

Апеллируя к чувствам, переживаниям и опыту человека в современном мире, социология ищет новые способы постижения действительности.

В центре социологии находится изучение повседневной жизни человека (термин "повседневность" был предложен А. Шюцем для социологической концептуализации понятия "жизненный мир" Э. Гуссерля) [2].

Сегодня тема повседневности уже прочно вошла в сферу исследовательского интереса и обросла собственной традицией. Социология повседневности связана с анализом социального жизненного мира, социального смысла практик, взаимодействий, организаций повседневной жизни, сюда же относится исследование форм восприятия, сознания и быта людей, человеческого опыта.

Исследователь повседневности сталкивается с субъективными формами переживания реальности нередко противоположными объективным, особыми формами социальности, спецификой повседневных связей и социальных сетей, образу-

¹ Редакция "Телескопа" поздравляет нашего постоянного автора профессора Юлию Беспалову с выходом в свет ее книги: Беспалова Ю. М. Обращение к себе: повседневная жизнь западносибирской семьи глазами социолога. — Тюмень: Мандр и Ка, 2014 <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=358>> и желает ей новых творческих успехов.

щих микросреду индивида, особым отношением к жизни, своеобразными речевыми практиками, личным переживанием времени и пространства, индивидуальным отношением к миру. Так, для изучения повседневности создала оригинальную методологию "чтения человеческих документов" исследователь Н.Н. Козлова: она сопоставляла социально нормированный язык с ненормированной повседневной речью.

Повседневность видима и наблюдаема. Для ее изучения используются такие методы как наблюдение, кейс-стади, биографическое исследование, рассмотрение "документов жизни", визуальное исследование и многие другие.

Познание повседневности связано не только с изучением опыта других людей, но и собственного опыта. Социолог может обратиться к себе, как к части общества.

"Обращение к себе" для исследования повседневности важно и возможно, поскольку каждый человек является носителем типичного или уникального социального опыта. И этот опыт может быть изучен и зафиксирован.

Как справедливо отмечал В. Голофаст, поскольку социология сегодня вынуждена активно развивать связи с другими науками и практическими видами социокультурной деятельности, ей нужно значительно расширять свою источниковедческую базу... [3].

"Наблюдающее участие", — термин, предложенный социологом А.Алексеевым в 1980-е годы [4].

"В призыве Сократа "Познай самого себя!", как мне кажется, закодирован смысл гуманистической социологии... Социолог, занимающийся таким вариантом науки о человеке в обществе, не может не прислушаться к Сократу. Предпосылкой понимания других является понимание себя и социальных условий своего существования", — пишет В. Ильин в статье "Жизнь как участвующее наблюдение" [5].

Большинство людей зачастую связаны с одними и теми же повседневными проблемами. Чтобы исследовать и познавать эту повседневность, как важную часть жизни общества, нужно видеть и понимать эти проблемы в своей собственной жизни.

При таком подходе, в первую очередь, нужно изучать и отражать те социальные процессы и институты, в которые мы включены. Тогда мы являемся носителями важного знания, уникальной информации об этих процессах и институтах.

Каждый человек связан также с социальным временем и социальным пространством. Если следовать И.Канту, это время и пространство являются внутренними априорными формами, зависимыми от человека. Однако они не только не исследованы, но даже не описаны, не осмыслены и не зафиксированы в научных документах.

Социологам необходимо видеть глубинные участки различных человеческих пространств и времен. И смотреть на эти участки можно одновременно глазами соучастника и наблюдателя.

В этом случае, люди в обществе не будут казаться мертвыми, статическими единицами, а будут восприниматься живыми, подвижными, склонными к постоянному изменению.

"Превращение социологии в инструмент рационализации собственной повседневности меняет содержание жизни. Она превращается в сплошное и увлекательное исследование, в путешествие по социальному пространству... Изучается все, что кажется интересным. Такой подход делает человека свободным, даже если он загнан в узкую клетку социальной структуры... В процессе вдумчивого отношения к личному опыту с использованием инструментов не только здравого смысла, но и социологии, накапливается осознание и ощущение социокультурной атмосферы, в которой живешь... Без такого знания или ощущения атмосферы, заполняющей все ниши повседневной жизни в области экономики, политики, культуры и т.д. социолог обречен на исследовательскую наивность..." [там же].

"Обращение к себе" может быть обращением к "житийно-

му", документальному, мемуарному жанрам, биографиям, судьбам, именам, а также человеческому или "очеловеченному" пространству, месту и времени. Не менее важно и интересно изучение песен, которые пелись или поются сегодня в семьях, дневников, рецептов семейной кухни, семейных альбомов, устойчивых семейных высказываний и выражений (социокультурный опыт людей кодируется не только в мимике, жестах, телодвижениях, но и в словах, выражениях).

В этом случае вместо привычного единообразного социального пространства мы увидим множество разнообразных, неповторимых, и уникальных социальных миров.

Пока не вся обозначенная проблематика стала предметом специального научного рассмотрения. Однако новые подходы не обесценивают старые, а, наоборот, добавляются к ним, развивая и обогащая социологическое видение.

В поисках ответа на вопросы, связанные с глубинным изучением человеческого мира и одновременно с освоением социальной атмосферы, исследователь должен повернуться к себе как к носителю значимой социальной информации, к тому, что его окружает и неразрывно связано с ним. Обозначим основные направления, которые наука в этом случае может изучать.

1. Особенности психического склада, темперамент, сообразительность, выносливость, одаренность, здоровье (то есть то, что передается человеку по наследству и идет из рода в род), а также возможности их реализации в тех или иных условиях. Это и такое социально-значимое качество человека как его происхождение.

Значимость таких исследований подчеркивал О.Шпенглер, важным методом познания для которого являлся, так называемый, физиогномический метод как "решение крови", заменяющий собой голую научную картину и знание дат [6].

2. Генетические данные, связь набора генов с социальными особенностями и предпочтениями. Помочь этому может обращение исследователя к родословным [7].

Ученый может изучить также опыт детства личности, ее воспоминания о детстве. У каждого человека свой опыт детства, свои переживания, каждому по-разному открывался мир, у каждого были свои детские страхи, неудачи и радости. Опыт детства накладывает отпечаток на всю дальнейшую жизнь человека. Воспоминания детства сопровождают человека всю жизнь и с годами не тускнеют, а становятся ярче. Чем старше люди, тем труднее им вспомнить, что с ними происходило недавно, но тем лучше и до мельчайших подробностей они вспоминают свое детство с самых ранних дней.

Этот подход, называя его психогенетическим, предлагал известный социолог К. Манхейм. Он писал: *"Так, например, если я знаю о человеке, каким он был в детстве, какие трудности и при каких обстоятельствах ему пришлось пережить, как он вышел из них, то мне известно о нем больше, чем мог бы дать ряд внешних фактов его биографии. Мне в данном случае известна вся совокупность связей, внутри которых создавались новые свойства человека и в свете которых следует толковать все стороны его жизненного опыта... Совершенно очевидно, что применение подобного метода может дать достаточно серьезные результаты, ибо точно также, как источником и основой тех переживаний, которые послужили истинными мотивами моих действий, является история моей жизни, история жизни названного автора является основой его опыта..." [8].*

3. Семейную или семейно-родовую память семьи. О семейно-родовой памяти писали исследователи-социологи А. Алексеев, Л. Логанова [9]. Источники семейно-родовой памяти — семейные архивы как совокупность документальных материалов из жизни семьи. Семейные архивы могут включать автобиографические и биографические повествования, семейные хроники или "жизненные свидетельства", "семейное или генеалогическое древо", фамильные ценности, а также мемуары, дневники,

письма, открытки, фотографии, изобразительные материалы, официальные документы, школьные сочинения, рецепты семейной кухни, семейный фольклор, устойчивые семейные выражения и многое другое. Семейно-родовая память опирается на семейно-родовое пространство, семейные ценности, семейные истории, вопросы наследственности.

На непростую связь исторической и семейной памяти обращал внимание социолог А. Алексеев. Он отмечал, что историческая память зачастую формируется под влиянием общественных событий, политической конъюнктуры, поэтому она нередко оказывается неполной, оторванной от реальности. Семейная память не только могла бы дополнить историческую память, но в ряде случаев скорректировать или даже заменить ее. Сохраненные семейные истории и по истечению многих лет могут стать основой интереса и информированности общества. Там, где семейная память бережена, она может стать основой личностной интерпретации памяти исторической.

4. Имена или прозвища. Имя как социальный знак, пароль является важным фактором общественной жизни. Общество диктует содержание, знаковую и "выверенность" имен.

В социальной памяти общества заключено огромное количество необходимой ему информации, в том числе и неиспользуемой в данный момент. Ряд научных систем, фрагментов истории или мировоззрения могут лежать "невостребованными" в течение длительного времени. Тем не менее, когда появляется насущная потребность, в нужный момент распечатывается соответствующая кладовая памяти. Ключами же к данным кладовым являются имена.

Имена аккумулируют социальную информацию, несут в себе яркую знаковую характеристику. В именах закодированы принадлежность к пространству и времени, определенному общественному кругу, а также реальные социальные события.

5. Индивидуальные биографии. Ценный материал для социологической науки дал Б.Докторов, собрав биографии нескольких поколений российских ученых-социологов [10].

Через биографии или жизненные истории стало возможным вернуть в поле зрения социологии те зоны, которые оказались на заднем плане или были оставлены без внимания.

Исследование биографий, индивидуальных историй жизни, можно связать с поиском системно-структурирующего начала событийной действительности. Материал индивидуальной жизни совмещается с устойчивыми социокультурными "матрицами", обнаруживаются типичные "событийные сценарии". Биографические коллизии, слагаемые из стереотипных событий и ситуаций, упорядочиваются.

"Артикуляция жизненных историй — это та деятельность, через которую в жизнь привносятся смысл и цель, а социологи способны существенно помочь, если в полной мере проявят себя в работе по изучению важных моментов в переплетении языковых взаимосвязей и взаимозависимостей, которые либо держатся в тайне, либо остаются невидимыми для науки. "Социология сама по себе, — отмечает Бауман, — есть рассказ, но смысл этого рассказа в том, что имеется гораздо больше вариантов рассказывания историй, чем это можно себе представить с позиции наших повседневных произведений. Что существует больше вариантов жизни, чем предлагается рассказываемыми нам историями, теми историями, в которые мы верим, полагая представленное в них единственным из возможного", — пишет социолог З. Бауман [11].

Биографии привносят в социологию новый язык понимания существования человека в социуме.

6. Человеческие судьбы, границы которых не совпадают с границами биографий. Известный социолог культуры Г. Зиммель писал: *"Когда мы говорим о чем-то, как о судьбе, то снимается та случайность, которая стоит между событием и смыслом нашей жизни. Называя это нечто судьбой, мы придаем ему высшее достоинство... Мы называем судьбой эти сопри-*

косновения с тем, что втягивается в замкнутую сферу нашей целостной личности" [12].

Судьба связана с теми началами, которые не вмещаются в биографию и жизнь, она может быть длиннее или короче жизни, может стать судьбой-мифом или судьбой-легендой. Биография человека нередко сводится к внешним событиям жизни индивида. Судьба же включает метания души и духа, взлеты и падения, сомнения, колебания, радости и драмы, которые не совпадают с биографической стороной жизни.

Судьба — это, прежде всего, жизнь целостная, понятая во взаимосвязи поступков и происшествий, объединяющая внешнюю событийную сторону жизни, а также ее душевную и духовную стороны. Кроме того, судьба человека — это жизнь свершенная, в которой сочетаются необходимое и случайное, реальное и возможное, общественно-историческое и внутренне-личное.

"Дальнейшее движение истории, развитие сферы деятельности, в которой работал человек, не в силах изменить территорию его жизни и "плотность" пространства вокруг точек "сгущения", ибо все это уже произошло, и в этом смысле жизнь нельзя переписать, прожить заново. Но будущее всегда придает прожитой жизни новый смысл и, значит, детерминирует, проявляет судьбу.. Судьба, в моем понимании, это комплекс всего, что предопределяет биографию человека, что ведет его по жизни и что связано с ним после ее завершения. У биографии есть начало и конец, судьба — теоретически бесконечна, точнее сказать — она обычно дальше, продолжительнее жизни, многомернее биографии", — пишет Б.Докторов [13].

7. Личные тексты, включающие записные книжки, мемуары, воспоминания, труды, носящие исповедальный и покаянный характер, фиксации услышанного, рассказы, побасенки, анекдоты, случаи из жизни, "домашнее письмо" (записки на память), записи или пересказ снов, наблюдения природы, предсмертные или "посмертные" записки, путевые заметки, разговоры с самим собой и др.

Эти тексты имеют и историко-культурную ценность, и экзистенциальную значимость. Погружение в личностный мир дает возможность проникнуть в мир повседневной жизни простого человека, понять социальный контекст его надежд, предствлений и ожиданий.

Среди личных текстов можно особо выделить дневники. Важной чертой дневника является описание жизненных событий и собственных чувств изо дня в день. Ценность изучения дневника состоит в том, что он дает наиболее полную информацию повседневности, описывает ощущения человека не постфактум, а в момент совершения события, с позиций настоящего времени.

По мнению А.Алексеева, особое значение для исследователя-социолога имеет "дневник факта". Такой дневник Алексеев называет "протоколом жизни" [14].

Вместе с "дневниками факта" для социологии интересны дневники "души" и "духа". Эти дневники хорошо передают личное отношение к социальным событиям, фиксируют внутреннюю содержательную жизнь.

Особое значение имеют архетипический, подсознательный аспект дневника. Культурно-символические структуры возникают в нем как богатые и сложные смыслы, имеющие скрытый характер.

Важную роль играют и контексты дневников, выражающие смысл процессов и событий, происходящих в обществе, таких, например, как смена социальных структур, политических систем, возникновение новых социальных технологий.

Дневник — это "живой" материал, дающий массу возможностей для реконструкции повседневности.

8. Социальное (жизненное, социально-культурное пространство), окружающее человека. Анализ пространства позволяет приблизиться к изучению проблем, долгое время бывших в

тени, а именно к изучению связи пространства с ценностями, образом мысли, складом характера, чувствами, потребностями человека.

Проблема социального пространства имеет междисциплинарный характер. Понятие пространства тесно связано с географией, политическими, экономическими, региональными, этническими, культурными, лингвистическими особенностями территории, где живет народ.

Пространственный анализ особенно важен и при изучении социально-экономических и социально-политических систем. Пространство влияет на хозяйственные навыки, деловые склонности, восприимчивость к тем или иным экономическим и политическим инновациям.

Пространство формирует особые человеческие типы и стили поведения людей, объединяет людей, населяющих его, чувством особого переживания пространства.

Социологическое исследование пространства дает возможность описания региональных особенностей, региональных способов жизни, мышления, формирования ценностных ориентаций человека и социума.

9. Время как соотношение социального и индивидуально-личностного времени.

Необходимым условием успешного существования личности в социуме является гармонизация временных связей его жизни. Это, например, сочетание времени общества и времени личности, времени труда и времени досуга.

Во все времена существовала идея, имеющая как социальный, так и внутренний субъективный смысл, суть которой состояла в "овладении временем", "победе над временем" или "продлении времени".

Особое значение проблема связи общественного и индивидуального времени имеет в русле изучения прошлого, настоящего и будущего.

С прошлым связано все подлинное для человека — почва, традиции, наследие, самобытность. Это поколения, могилы, идеи и взгляды. Сохраняют прошлое биографии, судьбы, имена.

Важнейшая форма прошлого — память. Искажение памяти является искажением прошлого. Из прошлого человек черпает свои смыслы и цели, которые определяют будущее.

Настоящее для человека всегда существует вместе с прошлым. Это узкая грань между прошлым и будущим. Настоящее более всего подвергается социальным и личностным иллюзиям. Чтобы не попасть под их власть, человек должен иметь защитный механизм, прочную основу. Этой основой и является прошлое. Без прошлого настоящее теряет свои ориентиры, становится утопичным и тогда "обрекается на прошлое".

Что же представляет собой будущее время? *"Будущего не существует..."*; — пишет известный западный социолог Зигмунд Бауман. *"...Самая большая тайна — это рождение тенденций, которым будет суждено изменить нашу жизнь. Мы всегда замечаем их слишком поздно. Поэтому, когда меня спрашивают о том, что произойдет через несколько лет, я всегда удивляюсь: как же я могу это знать? Ни вы, ни я не знаем будущего, потому что будущего не существует. Будущее в момент, когда оно начинает существовать, уже не является будущим, оно становится настоящим. Сейчас мы можем только предполагать что-либо, исходя из анализа имеющихся тенденций..."* [15].

С точки зрения синергетики, будущее уже имеющееся в прошлом и настоящем, притягивает перспективу развития. Магнитная сила будущего, называется в синергетике аттрактором. Изучая прошлое и зная, чем завершились его этапы, можно установить, каковы были аттракторы, обусловившие выбор одного из возможных вариантов дальнейшего развития.

10. Язык повседневности. Человек понимает повседневную жизнь и разделяет ее с другими посредством языка. Язык соединяет различные зоны повседневности в единое смысловое це-

лое: он выражает переживания людей, а также является хранилищем огромного разнообразия накопленных знаний и жизненного опыта, которые посредством языка сохраняются во времени и передаются последующим поколениям.

В языке создается и воспроизводится социальный мир. Людьми социальный факт получает отображение в языке. Язык дает возможности для социального конструирования: он содержит образцы социальных чувств, сценарии того, чего желать, о чем думать и что говорить. В языке повседневности представлены социальные связи и отношения, процессы социализации, ценностные иерархии, поведенческие рецепты. Социальное расслоение людей в обществе также определяется, прежде всего, типом языка, который повседневно использует та или иная социальная группа.

В языке выражаются субъективные смыслы поведения индивидов. Язык фиксирует обретение человеком себя, через смену языкового репертуара, отхода от прежних речевых практик и овладения новыми практиками. За каждым произнесенным словом выступает не только социальная, но и частная личностная история.

С помощью языка повседневности передаются древние системы символических представлений. Причем, язык не только сохраняет символы, коды и знаки, но и конструирует их и превращает в объективно существующие элементы повседневности. Таким образом, символический язык как универсальный язык, созданный самой природой, становится существенным элементом повседневной жизни.

Наиболее важную роль в изучении повседневности с помощью языка играет быденная речь, а также устойчивые выражения, включающие шутки, поговорки, пословицы, используемые в бытовом разговорном языке российских семей.

Изучение устойчивых выражений — нахождение и исследование тех структур, которые включают внутренние, как правило, неосознаваемые механизмы деятельности людей, сформированные в контексте относительно устойчивых смыслов социальной жизни.

11. Песни, которые ранее пелись или поются сегодня в семьях.

За счет изучения песен можно значительно расширить категорию личных документов. Изучение семейной песни связано с изучением таких видов документов как особые "тетради-песенники", магнитофонные записи, воспоминания, мемуары и т.п.

Погружение в контекст семейной песни дает возможность проникнуть в мир повседневной жизни простого человека, понять социальный контекст его ценностей, надежд, представлений и ожиданий.

Через песни семьи выражается мировоззрение определенной социальной группы, внутренний мир отдельного человека, представления об идеальных жизненных и социальных моделях, о жизни в контексте данной исторической эпохи.

Следует обратить внимание на разницу семейного предпочтения песен, дифференциацию по жанрам, тематике, времени возникновения.

Через семейную песню можно анализировать процессы социальной и территориальной мобильности членов семьи в длительной динамике поколений.

Семейная песня является примером живого языка, нередко утраченного, забытого, а также живого текста. Песня достается, дорабатывается ее исполнителями, в разных частях России, в разных семьях — одна и та же песня поется по-разному.

Как и другие документы жизни, семейную песню можно анализировать с помощью наблюдения или "внимательного взглядывания". При анализе семейной песни, как и других личных документов, недостаточно вникнуть в ее содержание, нужно понять обстоятельства ее появления, функции, которые она выполняет в семейной жизни. Только такая углубленная контекстная и ситуационная интерпретация может помочь полу-

читать важные социологические знания.

12. Данные визуальных наблюдений. Доминирующим направлением в визуальном исследовании является изучение фотографий.

В фотографиях можно выделить несколько слоев информации. Первый — личный или семейный быт. Второй слой — область эмоций и чувств. Третий — обстоятельства и особенности жизни. Четвертый слой — событийная сторона: личные и общественные события, отраженные в фотографии. Пятый — контекст, фон снимка. Шестой слой — скрытая сторона жизни, ее загадка и судьба.

Визуальный метод можно применять по-разному. Так, изучая российское предпринимательство, автор сравнивал содержание надписей, рисунков, фотографий на могилах западносибирских предпринимателей разных исторических периодов, чтобы понять, прервалась ли связь, между ценностными ориентациями прошлого и современного предпринимательства. Визуальные данные четко убеждали в принадлежности предпринимателей прошлого и настоящего к разным социальным слоям. Если на могильных плитах предпринимателей конца XIX — начала XX вв. сохранились надписи и рисунки, ясно говорившие об уважении сограждан и просветительских заслугах купечества, то в ряде фотографий, рисунков и надписей на современных могилах можно было явственно увидеть атрибуты силы и власти, говорящие о прошлой криминальной деятельности людей, позиционировавшихся в обществе как предприниматели.

Визуализация социологического знания требует интерпретации собранного материала в категориях социологии. Здесь необходимо применение социологического воображения, позволяющего переводить наблюдаемое и зримое в категории науки [16].

13. Семейные ценности или вещи, в которых в закодированном виде представлена социальная система. Об этих составляющих материально-духовной среды писали социологи А. Алексеев и В. Ильин [17].

14. Семейная кухня, с точки зрения социологии.

Кухня — важнейшая характеристика повседневности. Главное в кухне — не рецепты, а правила, приемы и способы приготовления еды. Кухня связана с подбором блюд, кушаний и приготовлением стола.

Как отмечала Н.Козлова: *"Заглядывая в "Книгу о вкусной и здоровой пище" или "Домашнюю энциклопедию" (и одну, и другую с жадностью читала еще в подростковом возрасте), практически чувствую и понимаю, став исследователем, что они определили не только повседневные привычки — как готовить, стирать или убирать, но нечто большее — как видеть, как жить, в конце концов"* [18]. От домашней еды зависит способ жизни человека, особенности его жизненного ми-

ра и восприятия действительности.

Перечисленные подходы во многом соединяют воедино науку и искусство, что может стать редким шансом для развития социологии. Они могут также помочь ученым научиться вглядываться в жизнь, для познания тех социальных миров, о существовании которых социологическая наука до сих пор не имела представления.

Литература

1. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // СоцИС, 2009, №8. С. 3-13.
2. Щюц А. Структура повседневного мышления // СоцИС. 1988, №2. С.129-137.
3. Голофаст В. Социология семьи. Статьи разных лет. СПб: Алетейя, 2006. С. 279-280.
4. Алексеев А. Многообразие экспликаций и синонимический ряд "наблюдающего участия" // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2012, №6. С.44 — 51.
5. Ильин В.И. Жизнь как участвующее наблюдение: исповедь социолога // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 4. С. 5-24.
6. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Мысль, 1993. 663 с.
7. Баикина А.И., Баикина Ю.О., Гузенко С.В. Родословная книга: Карнаузовы. Яруновы. Опыт историко-генеалогического микроисследования семьи. Тюмень: Вектор Бук, 2008. 204 с.
8. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 27-89.
9. Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Память поколений / Профессия социолог (из опыта драматической социологии: события в СИ РАН — 2008/2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. СПб: Норма, 2010, т.2, с.441-512; Логунова Л.Ю. Влияние исторической травмы на семейно-родовую память сибиряков // Социологические исследования, 2009, №9, с.126-136.
10. Докторов Б. Современная российская социология. Историко-биографические поиски [электронный ресурс]. В 3-х томах. М.: 2012.
11. Бауман З. Рассказанные жизни и прожитые истории // СоцИС, 2004, № 1, с.13-14.
12. Эпштейн М. Поступок и происшествие. К теории судьбы // Вопросы философии, 2000, №9. С.71.
13. Докторов Б.З. Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСП, 2008. С. 48.
14. Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Дневник и письмо как формы социальной коммуникации / Профессия социолог (из опыта драматической социологии: события в СИ РАН — 2008/2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. СПб: Норма, 2010. Т.3. С.490-502.
15. Бауман З. Будущего не существует // Огонек, 2011, 16 мая (№ 19).
16. Штомпка П. Визуальная социология. М.: Логос, 2007. С.74.
17. Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Корни и ветви. Коротка моя память... Семейная ценность и семейная память (к постановке вопроса) / Профессия социолог (из опыта драматической социологии: события в СИ РАН — 2008/2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. СПб: Норма, 2010. Т.2, С.441-512; Ильин В.И. Жизнь как участвующее наблюдение: исповедь социолога // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 4. С. 5-24.
18. Козлова Н.Н. Опыт социологического чтения "человеческих документов" или размышления о значимости методологической рефлексии // Социологические исследования, 2000, №9. С. 26.